ДАН и др.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

2-э

2010г.
У
82

Изданіе авторовъ

Prix 5 cent.

Открытое письмо

П. Б. Аксельроду и В. И. Засуличъ

Дорогіе Вѣра Ивановна и Павелъ Борисовичъ!

Нашъ партійный долгъ повелительно диктуетъ намъ это выступленіе въ печати, хотя мы хорошо знаемъ, что обоимъ Вамъ оно будетъ непріятно, какъ въ силу обстоятельствъ, его вызвавшихъ, такъ и въ силу Вашего всегдашняго стремленія возможно меньше занимать своими личностями вниманіе публики.

Мы всегда считались съ этимъ Вашимъ стремленіемъ, весьма естественнымъ для соціалистовъ, которымъ выпало занимать выдающіеся посты въ движеніи рабочаго класса. Но бываютъ такіе моменты, такія обстоятельства, когда чрезмѣрное уваженіе къ скромности и деликатности *лицъ* граничитъ съ измѣной интересамъ *партіи*, исторія которой тѣсно сплетается съ дѣятельностью этихъ лицъ. Такой моментъ наступилъ теперь, и мы, рискуя навлечь на себя Ваше неудовольствіе, выступаемъ, чтобы заклеймить направленныя противъ Васъ безчестныя инсинуаціи издателя „Дневника Соціальдемократа".

Вотъ уже три года прошло, какъ злопыхательство по поводу мнимой личной обиды предопредѣлило содержаніе и направленіе внутрипартійной политики этого издателя „Дневниковъ" (не смѣшивать со старымъ Плехановымъ-Бельтовымъ). Это чувство личной обиды заставило его переоцѣнить немало цѣнностей. Для сокрушенія „обидчиковъ" онъ сталъ поддерживать вырождающееся сектантское направленіе въ партіи, съ которымъ онъ

6 лѣтъ велъ принципіальную борьбу; для той же высокой цѣли онъ инсинуировалъ, подбиралъ и разжевывалъ сплетни, распространямыя про насъ, меньшевиковъ, съ которыми онъ шелъ 6 лѣтъ рука объ руку и которыхъ онъ раньше не разъ удручалъ тяжестью своихъ комплиментовъ.

Всю эту жалкую, безпринципную кампанію по сведенію личныхъ счетовъ Плехановъ тѣмъ легче прикрывалъ интересами партіи, что онъ имѣетъ смѣшную претензію отождествлять партію съ собой, хотя она себя никогда „плехановской“ не называла, и потому третируетъ младшее поколѣніе партійныхъ работниковъ, какъ послушныхъ ему или непослушныхъ школьниковъ или какъ нулей, цѣнныхъ лишь тогда, когда они стоятъ рядомъ съ нимъ — единицей. Но въ экстазѣ самообожанія Плехановъ не могъ ограничиться инсинуаціями по адресу непочтительнаго младшаго поколѣнія. Для возвеличенія своего драгоцѣннаго „я“ ему понадобилось принести въ жертву доброе имя своихъ старѣйшихъ товарищей по оружію, которые вмѣстѣ съ нимъ закладывали фундаментъ русской соціальдемократіи. Со страницъ приложенія къ 15 № „Дневника Соц.-Дем.“ онъ теперь бросаетъ комья грязи уже и въ Васъ, несмотря на то, что Вы, Пав. Бор., втеченіе послѣднихъ лѣтъ, благодаря крайне болѣзненному состоянію, были вынуждены воздерживаться отъ непосредственнаго вмѣшательства въ борьбу, интересующую издателя „Дневниковъ“, несмотря на то, что Вы, Вѣра Ивановна, уже нѣсколько лѣтъ, какъ отстранились отъ публичной политической дѣятельности, и потому совершенно не опредѣлили передъ публикой своего отношенія къ интересующимъ „Дневникъ“ вопросамъ.

Черезъ 9 лѣтъ послѣ начала партійнаго раскола Плехановъ счелъ возможнымъ нагнуться, чтобы отыскать въ клоакѣ *тогдашнихъ* сплетенъ справку о *личныхъ* мотивахъ Вашей борьбы съ нимъ и равнымъ ему по благородству души Ленинымъ. Тогда, въ 1903 году, въ пылу борьбы съ „меньшинствомъ“ на съѣздѣ, Плехановъ ни разу не рѣшился говорить, что расколъ былъ вызванъ тѣмъ, что Вы и Староверъ „добивались для себя извѣстнаго положенія въ центральныхъ учрежденіяхъ“ партіи. Можетъ быть, онъ еще боялся запачкать

руки, роясь въ клоакѣ? Или онъ былъ слишкомъ большого роста, чтобы замѣтить это „жемчужное зерно“ въ навозной кучѣ кружковыхъ сплетенъ? Тогда какъ жаль, что онъ началъ „рости внизъ“!

Такъ или иначе, онъ теперь утверждаетъ, что Вы оба и Старовѣръ „ломились въ двери“ редакціи „Искры“ и что изъ-за вопроса о передачѣ Вамъ редакціонныхъ мѣстъ Вы угрожали дезорганизовать всю партію, что Вы въ тотъ моментъ вопіющимъ образомъ нарушили партійную дисциплину, чѣмъ онъ и до сихъ поръ возмущенъ.

Инсинуаторъ хорошо знаетъ, что требованіе о *возстановленіи стараго состава* редакціи „Искры“ не было личнымъ требованіемъ В. Засуличъ П. Аксельрода, Старовѣра и Мартова, а общимъ требованіемъ всей „оппозиціи“ II съѣзда (21 делегатъ съ рѣшающими голосами), а къ моменту переговоровъ, о которомъ онъ пишетъ, — всей меньшевистской части партіи (Приводимые имъ документы подписаны были „уполномоченными меньшинства“.)

Онъ знаетъ также, что для „меньшевиковъ“ дѣло шло не о распредѣленіи редакторскихъ мѣстъ, а о чемъ-то неизмѣримо болѣе важномъ. Попытка разрушить старую редакціонную комиссію „Искры“ подъ мнимымъ предлогомъ недостаточной работоспособности нѣкоторыхъ ея членовъ и на формальномъ основаніи, что съѣздъ высказался (большинствомъ одного голоса!) за редакціонную „тройку“, была фактически попыткой подъ ширмой „воли народа“ порвать преемственную связь съ прошлымъ и установить личную диктатуру Ленина надъ партіей. Именно для этого созданъ былъ чудовищный партійный уставъ, принятый II съѣздомъ, который дѣлалъ редакцію Ц О. безконтрольной, неограниченной и безапелляціонной властью (ибо черезъ „Совѣтъ Партіи“ онъ подчинялъ ей Ц. К. и давалъ неограниченную возможность „фабриковать“ съѣзды).

Что борьба шла именно изъ-за вопроса — быть или не быть режиму личной диктатуры въ партіи, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что *послѣднимъ* компромиссным предложеніемъ Ленина и Плеханова было не предложеніе кооптаціи только двухъ м-ковъ, какъ изображаетъ Плехановъ теперь, а *предложеніе о кооптаціи* всѣхъ четырехъ... но съ обяза-

тельствомъ, чтобъ изъ двухъ делегатовъ отъ редакціи въ „Совѣтѣ Партіи" однимъ былъ Ленинъ (чѣмъ было бы обезпечено преобладаніе въ диктаторскомъ „Совѣтѣ" большевиковъ.)

Онъ знаетъ, наконецъ, что мнимая „дезорганизація" партіи м-ками выражалась лишь въ отказѣ сотрудничать въ Ц. Органѣ, и что если онъ самъ, тогда б-къ, искренно считалъ, что писать въ *фракціонномъ* центр. Органѣ есть *повинность* партійныхъ литераторовъ, то впослѣдствіи онъ самъ держался другой, болѣе европейской точки зрѣнія, когда систематически отказывался участвовать въ *большевистскихъ* центральныхъ органахъ (вплоть до послѣдняго центр. органа, основаннаго въ Парижѣ въ 1909 году).

Должны-ли мы еще указать, что Вы оба никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не видѣли своего честолюбія въ званіи „редакторовъ Ц. О." — Вы, которые въ „Искрѣ" прежде всего старались убѣдить русскую соціальдемократію не вѣрить, что она уже стала взрослой, не ослѣплятьcя этой мишурой пышныхъ „съѣздовъ", этими потемкинскими деревнями „центральныхъ" органовъ и „центральныхъ" комитетовъ? Вы, которые поставили своей цѣлью показать соціальдемократіи, что на дѣлѣ она все еще остается только кружкомъ, и что въ ея развитіи въ подлинную партію ее губитъ это напяливаніе на свои плечи слишкомъ большого сюртука?

На II съѣздѣ Плехановъ, въ отличіе отъ Васъ, не понималъ значенія возникшихъ тамъ организаціонныхъ разногласій. Онъ сначала колебался, на какую сторону стать, а потомъ, ставъ на сторону Ленина, и, говоря въ защиту его позиціи рѣчи о партіи въ „ложно-классическомъ стилѣ", онъ не подозрѣвалъ, что служитъ орудіемъ для бонапартистскихъ цѣлей Ленина. Когда Ленинъ раскрылъ свои карты, Плехановъ прозрѣлъ: онъ первый тогда назвалъ въ № 65 „Искры" централизмъ Ленина бонапартизмомъ, и все, что онъ писалъ въ то время о партійномъ расколѣ, является прямымъ опроверженіемъ сказки о томъ, будто личныя „обиды", нанесенныя Вамъ на II съѣздѣ, явились причиной и содержаніемъ раскола. Все это было, а теперь онъ самъ же не стѣсняется

воскресить эту сказку. На что онъ сейчасъ спекулируетъ?

Въ 1903 г. на съѣздѣ, въ Женевѣ и въ „комитетахъ“ еще было не мало политическихъ „мальчиковъ и дѣвочекъ“, способныхъ думать, что можно быть Засуличъ, Аксельродомъ или Старовѣромъ и страдать по поводу того, что тебя „не выбрали“ въ редакцію „центральнаго“ органа... Такая наивность — неизбѣжная дѣтская болѣзнь, которой, однако, сильно злоупотребляли въ своихъ личныхъ и кружковыхъ интересахъ демагоги того времени... Теперь соціальдемократія, во всякомъ случаѣ, переросла возрастъ дѣтскихъ болѣзней, и подобная демагогія можетъ спекулировать уже не на наивность розовой юности, а на никогда не старѣющуюся злую глупость.

* * *

Опорочивъ недавнее политическое прошлое Васъ обоихъ, авторъ „Дневника“ бросаетъ еще одну стрѣлу въ нынѣшнюю дѣятельность Павла Борисовича. Прозрачнымъ намекомъ онъ даетъ понять, что Вы, П. Б., играете у насъ — среди меньшевиковъ — роль „roi fainéant“, какъ онъ выражается, человѣка, лишь номинально занимающаго опредѣленный постъ. Эта выходка не заслуживала бы и не обратила бы на себя ничьего вниманія, еслибъ она не задѣвала съ азіатской грубостью личныхъ обстоятельствъ Вашей жизни. А это и входило, конечно, въ намѣренія автора.

Ему извѣстно, что въ теченіе многихъ лѣтъ Вы поражены тяжелой болѣзнью, которая позволяетъ Вамъ лишь въ слабой степени заниматься литературной и пропагандистской дѣятельностью. Ему извѣстно также, что въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ Вы постоянно просили „уволить“ Васъ изъ редакціонныхъ коллегій Гр. „О. Т.“, „Искры“, „Голоса“, въ которыхъ Вы, по Вашему мнѣнію, не могли, благодаря болѣзни, работать наравнѣ съ остальными товарищами. Ему извѣстно, что Вы при этомъ всегда предлагали не публиковать Вашего выхода изъ редакціи, то есть, выражали готовность продолжать нести всю отвѣтственность передъ партійнымъ мнѣніемъ. Онъ знаетъ также, что каждый разъ мы всѣ — и онъ въ томъ числѣ — убѣждали Васъ не дѣлать этого шага, такъ какъ, по нашему и всѣхъ нашихъ

единомышленниковъ убѣжденію, малая прозводительность Вашей литературной работы съ избыткомъ возмѣщалась Вашей незамѣнимостью въ совѣщаніяхъ коллегіи, какъ *дѣйствительнаго политическаго вдохновителя* и руководителя *тактики* всѣхъ названныхъ коллегій, въ томъ числѣ и Группы „Освоб. Труда"; какъ того товарища, который, будучи интимно связанъ съ европейской соціальдемократіей, всего болѣе дѣлалъ и дѣлаетъ для надлежащаго приспособленія общихъ принциповъ революціоннаго марксизма къ текущей тактикѣ соціальдемократіи въ Россіи. Онъ знаетъ, что, уступая нашимъ требованіямъ и соглашаясь оставаться въ коллегіи, Вы приносили тяжелую жертву, соглашаясь нести передъ самимъ собою полноту отвѣтственности не только за общее направленіе, съ которымъ Вы были по существу солидарны, но и за отдѣльные акты, совершенные коллегіей, которыхъ Вы не могли предотвратить или измѣнить благодаря тому, что Ваша болѣзнь не всегда позволяетъ Вамъ своевременно и въ полной мѣрѣ внести въ общую работу все то, что Вы могли бы дать въ качествѣ наиболѣе опытнаго и авторитетнаго среди насъ въ политическихъ вопросахъ товарища. Плехановъ знаетъ, что Вы, въ силу свойствъ Вашего характера, глубоко страдаете отъ вынужденно-скованнаго состоянія тѣхъ силъ, которыя Вы бы хотѣли всѣ отдать партіи... онъ знаетъ это и именно потому онъ метнулъ въ Васъ эту стрѣлу... онъ, который въ свое время писалъ Вамъ письма, убѣждающія Васъ въ томъ, что и при малой литературной производительности, Вы необходимы въ коллегіи Группы „Осв. Труда", такъ какъ только Ваше вліяніе удерживаетъ его иногда отъ шаговъ, о которыхъ позднѣе пришлось бы жалѣть!

Плехановъ знаетъ еще нѣчто. Онъ знаетъ, что, соглашаясь нести тяжелое для Васъ бремя „званія", Вы каждый разъ оговаривали, что оставляете за собою право отказаться отъ него, когда оно станетъ окончательно невыносимымъ.

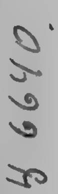
Оно не стало таковымъ для Васъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, когда Вамъ, вмѣстѣ съ нами, пришлось жить въ атмосферѣ, отравленной міазмами глубокаго разложенія, охватившаго нашу интеллигентскую соціальдемократію. Теперь, когда процессъ разложенія уже заканчивается, когда

имѣются серьезныя надежды увидѣть начало партійнаго возрожденія, — теперь, вѣримъ мы, Вы спокойно перенесете и эту послѣднюю иллюстрацію разложенія — эти фиглярскія упражненія бывшаго Вашего соратника, сумѣвшаго воплотить въ себѣ почти трагическое сочетаніе ума, достойнаго Чернышевскаго, съ душой дона Базиліо.

Ф. Данъ.
Л. Мартовъ.
А. Мартыновъ.

Мартъ, 1912 г.

Адресъ для сношеній: «Voix du Social-Democrate», Bureau de Poste, Avenue d'Orléans, Boîte № 1, PARIS (XIX).

Imp. UNION. 50, Bd. Arago, Paris (13e)

